

6.

 ДНАЖДЫ, бредя по дороге и размышляя о том, почему небывалая сила доставляет ему больше хлопот, чем радости, Жан заметил впереди себя путника необычной наружности, который с лёгкостью нёс на голове тяжёлый тёсанный камень.

Ускорив шаг, Жан нагнал его и удивился ещё больше: оказалось, что странный путешественник волочит за собой две огромные чугунные гири,

привязанные к поясу железными цепями.

Сгорая от любопытства, Жан обратился к путнику:

— Позвольте спросить вас, сударь, зачем вы ходите по дорогам с этими чудными веригами?

— Можете мне поверить, — отвечал ему человек с тёсанным камнем, — что я путешествую с этим грузом, увы, отнюдь не ради удовольствия. Но природа сделала меня таким лёгким, что, если бы я не принял мер предосторожности и не утяжелился, вы бы увидели меня не на земле, как прочих людей, а высоко в воздухе, не меньше чем

в пятидесяти туазах¹ над вашей головой. Как вы понимаете, этот мой недостаток доставляет мне множество неприятностей. На такой высоте не сыскать ни еды, ни питья — там встретишь разве что башенного петушка, который, конечно, хорошо показывает направление ветра, но которого в суп не положишь. Вот мне и пришлось найти способ оставаться на земле, а без этого я бы умер с голоду.

— Вот странность так странность, — ответил Жан-Медведь. — Сочувствую вам от всей души.

Какое-то время мужчины продолжали путь молча. Жан время от времени отставал от своего нового спутника на несколько шагов, чтобы получше его разглядеть. Особенно Жана поражала та лёгкость и свобода, с которой держался этот человек: казалось, тяжёлый камень давит на него не больше, чем пушистый хохолок на голову гусёнка. Что же до двух чугунных шаров, то они волочились за ним, легко отскакивая от земли и паря в воздухе, словно мыльные пузыри, и вовсе не производили того ужасного грохота, с каким гири обычно бьются о дорожные булыжники.

Жан то и дело замедлял шаг, глядя на это зрелище во все глаза и размышляя над странным явлением. Наконец он возобновил беседу:

— Я вот тут размышляю, дружище: может, я вам пригожусь? Понимаете, небо наделило меня недюжинной силой, и она доставляет мне такие же неудобства, как вам — ваша злополучная лёгкость. Думается мне, что моя силища могла бы облегчить вашу участь. Что скажете? Попытка ведь не пытка. Бросайте-ка ваш тёсаный камень и отвяжитесь ваши гири. Я и без них могу удержать вас у земли, поверьте. Чтобы вы не улетели, я буду только держать руку у вас на плече. А ну-ка, попробуем!

— Посмотрим, что из этого получится, — философски ответил невесомый мужчина. Он избавился от своих вериг и с великой радостью убедился, что Жан-Медведь его не обманул.

— О чудо! — воскликнул он. — Под вашей тяжёлой ладонью я стою на ногах совершенно уверенно, как в жизни никогда не стоял. Но только, бога ради, не убирайте руку, приятель! Будем путешествовать вместе. Я теперь ваш большой должник и в знак признательности за вашу доброту готов вам служить.

— Соглашаюсь с радостью, — ответил Жан. — Но, поскольку может так случиться, что в целях нашей общей обороны мне нужны будут обе руки и придётся снять ладонь с вашего плеча, вот что я предлагаю: в ближайшей деревне мы купим верёвку такой же длины, на какую высоту вы обычно поднимаетесь в воздух. Вы обмотаете ею тело и, чтобы спуститься на землю, вам только и надо будет, что сбросить верёвку вниз. Я возьму её за нижний конец и притяну вас к себе. Это же проще пареной репы. А по вечерам, перед сном, я буду крепко-накрепко привязывать вас к какому-нибудь дереву, столбу или валуну, чтоб вам спокойно отдыхалось всю ночь... Перейдём-ка мы на «ты», приятель, ни к чему нам церемониться, ведь отныне жизнь у нас будет общая. Скажи мне, как тебя звать?

— Вопрос вполне законный, но ответить на него мне весьма затруднительно. Как меня звать, спрашиваете вы... Знайте же, друг мой, что, насколько я могу судить, имени у меня никогда не было. Сколько себя помню, никогда не знал ни родителей, ни друзей. До сих пор я только тем и занимался, что боролся со своим физическим недостатком, и так и не удосужился окреститься. Но, чтобы сделать вам приятное, я об этом подумаю ночью, а завтра, хорошенько выспавшись, скажу вам, какое имя я для себя выбрал.

— Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Слушай, поскольку ты такой лёгкий, хочется мне назвать тебя Пушок-на-Ветру. Подходит тебе такое имя?

— Так и быть, подходит! А тебя как зовут?

— А меня зовут Жан-Медведь.

¹Туаз — старинная французская мера длины, равная примерно 2 метрам.

— Вот что, Жан-Медведь, я думаю, мои вериги нам ещё пригодятся. Чугунные гири продадим кузнецам, а тёсаный камень — могильщикам или строителям.

Так они и сделали, донеся тяжести (впрочем, ни для одного из них не обременительные) до ближайшего селения. На вырученные деньги купили для Пушка верёвку, а для Жана — куртку с рукавами и дубинку с железным наконечником. С такой дубинкой легче защищаться от разбойников, решил Жан, ведь мало ли что может случиться! Отдохнув, друзья продолжили путь.

В скором времени дорога, по которой шли Жан-Медведь и Пушок-на-Ветру, упёрлась в подножие горы, над мрачными крутыми склонами которой высилась одинокая вершина. Там и сям к этим голым склонам лепились пучки вереска да чахлые соцветия желтушника.

Два товарища ошеломлённо остановились, гадая, не повернуть ли назад. Напрасно блуждали они глазами по высокой скалистой стене: там не было ни выбитой в камне тропинки, ни малейшего уступа — ничего, кроме узких расселин, покрытых плесневелой зеленью лишайников. Несколько серых ящериц, высунув из трещин в скале любопытные головки с антрацитовыми глазками, созерцали недоумевающих и растерянных путников.

А кругом расстилалась голая пустыня.

— В этих проклятых краях, видать, вообще не обитает ни души, — сказал наконец Жан-Медведь.

Он стал поворачиваться на все стороны света, обводя взглядом горизонт. Затем нетерпеливо топнул ногой:

— Послушай, Пушок-на-Ветру, сейчас я дам тебе взлететь, и сверху ты лучше рассмотришь окрестности. Вдруг неподалёку обнаружится хутор какого-нибудь доброго крестьянина, и мы у него остановимся!

С этими словами он убрал руку с плеча Пушка-на-Ветру, и тот взлетел в воздух туазов на пятьдесят от земли. На высоте он приложил ладонь козырьком ко лбу и закричал:

— Вижу! Примерно в одном лье отсюда я вижу человека, который разлётся во весь рост на земле. Чем-то он занимается, но чем — понять не могу. А теперь тяни верёвку, Жан-Медведь, больше мне наблюдательный пост не нужен! Я хорошо заметил, где тот человек лежит, и, как только я стану на ноги, мы сразу направимся в его сторону.

Жан-Медведь подтянул товарища к земле, и они двинулись на поиски лежащего человека. Примерно через час пути они его наконец увидели. Улёгшись плашмя на животе, он орудовал длинной пилой, зубья которой врезались в подножие горы. Когда они подошли, человек не удостоил их даже поворотом головы.

— Эй, дружище! — крикнул Жан-Медведь, — что за чудное дело заставляет тебя тут лежать?

Услышав обращённые к нему слова, лежащий поднялся, тыльной стороной ладони вытер пот, ручьём стекавший у него с лица, и спокойно ответил:

— Видите ли, сударь, я пилю эту гору, потому что она мешает мне пройти. Надеюсь управиться до того, как солнце зайдёт за горизонт.

Сказав это, он снова принялся за работу.

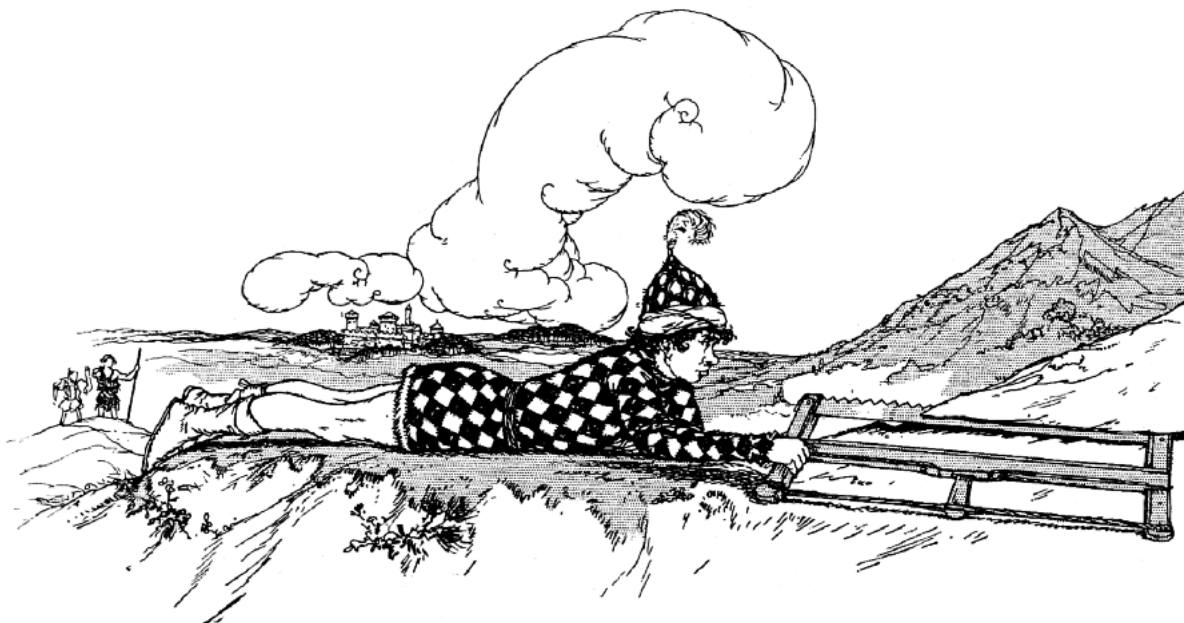
Друзья, недоумевая, продолжали за ним наблюдать. Работяга несколько раз проводил пилой туда-сюда, а затем делал короткий перерыв. Зубья пилы всё глубже входили в камень, который резали, словно мягкое дерево. Вскоре он выпилил окружность, достаточную по диаметру для прохода человека.

— Так, теперь, — пробормотал он под нос, будто разговаривал сам с собой, — загвоздка только в том, как открыть проход.

Жан-Медведь снова вступил в разговор:

— Насколько я понимаю, надо как-то выбить каменную пробку, которую вы выпилили в скале.

— Вот именно.

— В таком случае, если позволите подойти поближе, я с радостью окажу вам эту услугу.

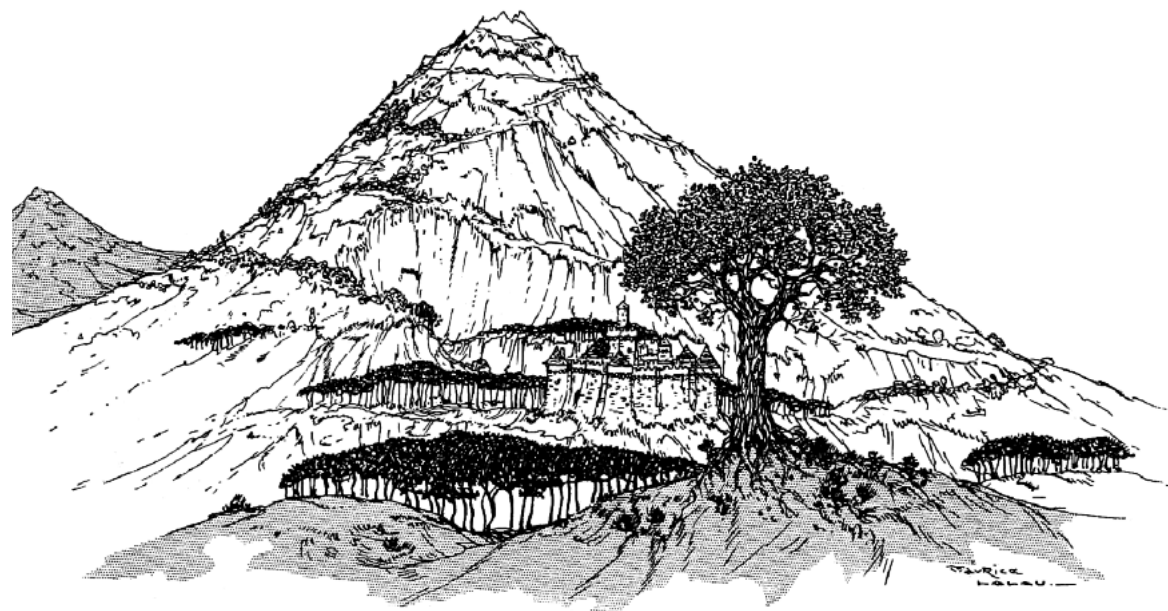
— Разумеется, с дорогой душой, только я не понимаю...

— Терпение, терпение, — ответил Жан-Медведь.

Первым делом он высвободил руки, привязав Пушка-на-Ветру к тяжёлому камню, чтобы тот не улетел. Затем схватил свою дубинку с железным наконечником и нанёс её торцом такой удар по выпиленному в скале кругу, что разбил его на обломки, которые разлетелись во все стороны.

— Видишь, славный пильщик, каждому свой черёд. Отдохни, теперь я поработаю за всех нас.

Хозяин пилы удивлённо наблюдал за разрушением гранитной скалы, а потом за тем, как Жан-Медведь поднимал с земли огромные

глыбы, которыми впору было убивать слонов, и отшвыривал их в сторону с лёгкостью ребёнка, играющего в мяч. Разбивая каменную породу, Жан-Медведь постепенно углубился в галерею и исчез из виду.

Скоро окрестности оказались завалены обломками, а из глубины прохода раздался радостный возглас:

— Ура! Я прошёл эту проклятую гору насквозь и пробился к свету с другой стороны!

Вскоре Жан снова вышел из галереи. Со лба его струился пот.

— Уф! Жарковато было работать в этом душном коридоре!

Он вытер лоб, перевёл дух, отдохнул немного, а затем принялся отвязывать Пушка-на-Ветру, которого пребывание в плену у валуна уже сильно утомило. А хозяин пилы сказал Жану-Медведю:

— Друг! Теперь, когда я увидел тебя в деле, скажу, что и для меня будет честью тебе помогать. Если ты согласен, конечно. Сдаётся мне,

что ты и твой товарищ путешествуете по свету, а я страсть как люблю приключения и всей душой хочу к вам присоединиться.

— Так и быть, — ответил Жан, — идём с нами, красавец. И, поскольку ты хорошо умеешь резать горы, я буду тебя называть Пилигора. Бери же свою пилу — и в путь!

Три спутника углубились в скальный проход и вышли с другой стороны горы к прекрасной долине, по которой текла, извиваясь, широкая река. Им удалось через неё переправиться, не замочив ног. Они ухватились за верёвку Пушка-на-Ветру, и тот, несмотря на их тяжёлый вес, пронёс друзей на воде на высоте больше пяти туазов и опустил на другом берегу. Времени на переправу у них ушло меньше, чем потребовалось нам, чтобы про неё написать. По воздуху Пушок-на-Ветру ходил гораздо быстрее, чем мы с вами ходим по земле. И это вполне объяснимо, если учесть, что ни почва, ни камни не тёрлись об его подошвы, и он мог шагать, не задерживаясь, как угодно широко.

На другом берегу решили приземлиться и дальше идти пешком.

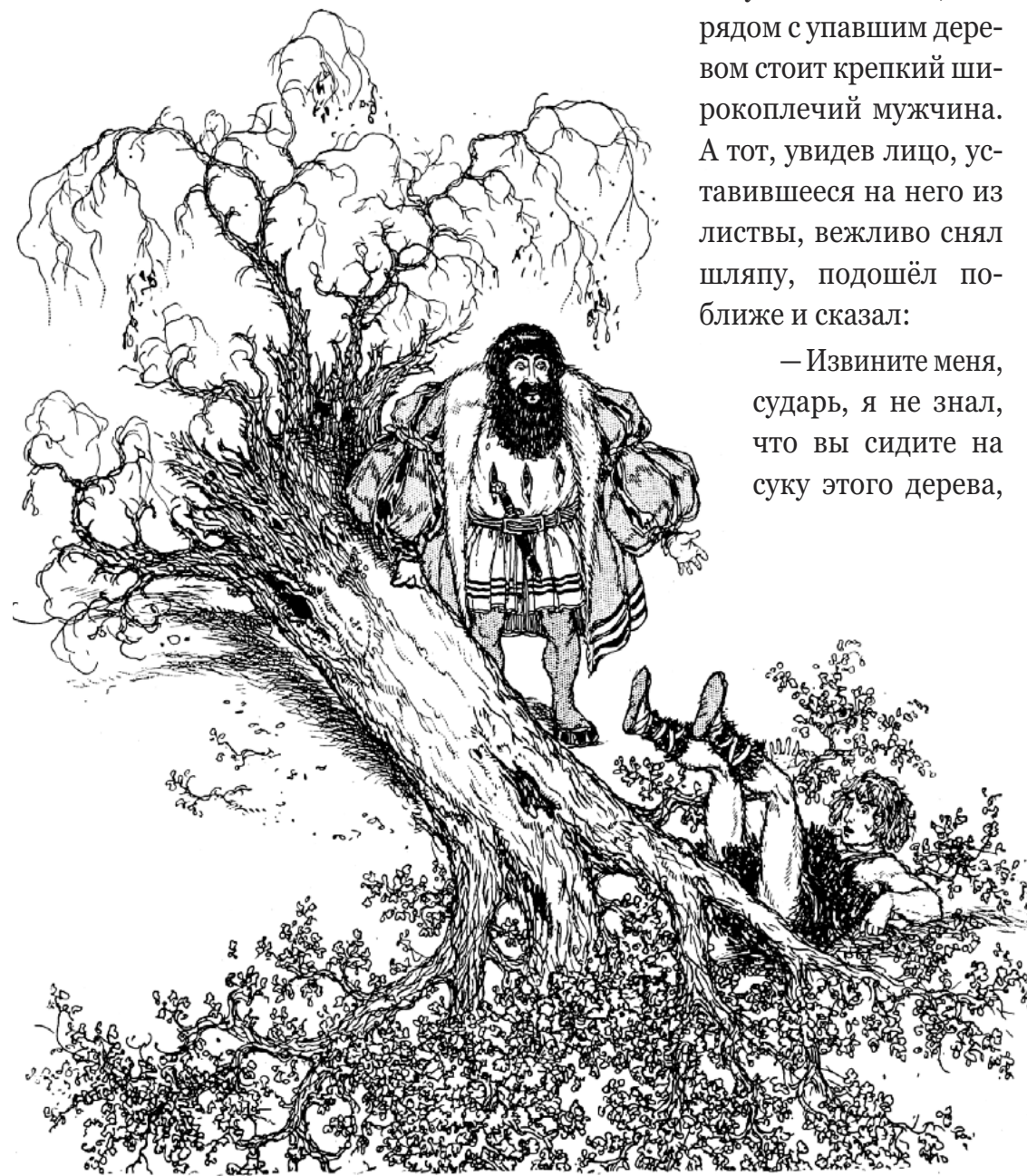
Проходя мимо высокого дуба, Жан-Медведь ухватился за толстую ветку и оседлал её. Едва он принялся подтягивать к себе на верёвке Пушка-на-Ветру, как вдруг почувствовал, что дерево под ним зашаталось. Жан уцепился за соседние ветки, но дерево стало крутиться, вертеться, приподниматься и наконец повалилось, увлекая с собой и Жана.

Пилигору подбросило, и он перекувырнулся через Жана. Сотрясение было столь сильным, что Пушок-на-Ветру заплясал на своей верёвке, выписывая зигзаги и трепеща, словно воздушный змей при порывах ветра.

— Что за чертовщина тут происходит? — негодуяще закричал Жан-Медведь, высунув голову из ветвей, оплетающих его тело.

Тут он заметил, что рядом с упавшим деревом стоит крепкий широкоплечий мужчина. А тот, увидев лицо, уставившееся на него из листвы, вежливо снял шляпу, подошёл поближе и сказал:

— Извините меня, сударь, я не знал, что вы сидите на суку этого дерева,

когда я вырывал его с корнем. Прошу прощения за малейшее причинённое неудобство.

— Как? — сказал Жан-Медведь, выпутавшись из веток и подойдя к незнакомцу. — Значит, это вам я обязан тем, что меня так грубо уложили носом в землю? Но какая же у вас силища, чёрт возьми! Держите руку, друг, вы достойны стать одним из нас!

Он протянул руку корчёвщику и, подтянув на верёвке Пушка-на-Ветру, представил его новому сотоварищу. Затем он познакомил его и с Пилигорой, чей нос немного кровоточил, потому что ему в лицо случайно отлетел камешек. После того, как состоялось знакомство, широкоплечий человек с радостью согласился присоединиться к трём путешественникам.

— Раз уж ты так изящно повалил дерево на землю, приятель, я буду звать тебя Вырвидуб, — предложил Жан-Медведь.

— Вырвидуб так Вырвидуб, это имя мне нравится, потому что для меня и в самом деле вырвать дуб из земли ничего не стоит.

Пилигора подобрал с земли пилу, Пушок обмотался верёвкой, Вырвидуб раскатал рукава рубашки, Жан отряхнулся, и вся компания не мешкая двинулась в путь, потому что солнце уже готовилось закатиться за горный хребет.

